

КЛАССИЧЕСКИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ПАТРИК · КВЕНТИН

ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ ДУРАКОВ

ДЖОНАТАН · СТАГГЕ

АЛЫЙ КРУГ

ЭНТОНИ · БАУЧЕР

СЕМЕРО С ГОЛГОФЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 32

Серия «Классический американский детектив»

Patric Quentin aka Jonathan Stagge
A PUZZLE FOR FOOLS

Patric Quentin aka Jonathan Stagge
THE SCARLET CIRCLE

Anthony Boucher
THE CASE OF THE SEVEN CALVARY

Перевод с английского
И.А. Моничева («Головоломка для дураков», «Алый круг»),
Н.А. Анастасьева («Семеро с Голгофы»)

Компьютерный дизайн В.Е. Половцева

Печатается с разрешения Curtis Brown, Ltd и Synopsis Literary Agency.

Квентин, Патрик.

К 32 Головоломка для дураков. Алый круг. Семеро с Голгофы : [сборник : перевод с английского] / Патрик Квентин, Джонатан Стагге, Энтони Баучер. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 672 с. — (Классический американский детектив).

ISBN 978-5-17-079126-2

«Головоломка для дураков»

В частной лечебнице для душевнобольных совершено два изощренных убийства. Первой жертвой стал обычный санитар, а второй — магнат с Уолл-стрит Дэниел Лариби. Но есть ли связь между этими преступлениями, первое из которых не было выгодно совершено никому, а второе — слишком многим? Полиция в растерянности. И тогда скупающий в клинике известный режиссер Питер Дулут начинает собственное расследование...

«Алый круг»

В курортном городке на Атлантическом побережье жестоко убиты три женщины, и на теле каждой алой помадой нарисован круг. Неужели в тихом провинциальном местечке появился маньяк? Полиция убеждена именно в этом. Но доктор Хью Уэстлейк, ведущий частное расследование, уверен: преступник водит полицейских за нос и на самом деле его действия далеки от безумной жадности крови...

«Семеро с Голгофы»

В студенческом городке Калифорнийского университета совершено два загадочных убийства. Жертвами стали преподаватель истории и швейцарец, ездивший с лекционным турне по США. Что заставило преступника выбрать именно их? И что символизируют оставленные на телах таинственные послания? Полицейские теряются в догадках. И тогда за дело берутся профессор санскрита доктор Эшвин и молодой аспирант Мартин Лэм...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Patric Quentin, 1936

© Jonathan Stagge, 1936, 1943

© Anthony Boucher, 1937

© Перевод. И.А. Моничев, 2015

© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-079126-2

Патрик Квентин

**ГОЛОВЛОМКА
ДЛЯ ДУРАКОВ**

Автор никогда не встречал никого из описанных в книге людей и не бывал ни в одном из упомянутых в ней учреждений и в тех местах, которые хотя бы отдаленно напоминали изображенные здесь, — хотя ему очень этого хотелось бы.

I

Ночью мне всегда становилось хуже. А в эту ночь меня впервые оставили без какого-либо одуряющего снадобья, помогавшего быстрее уснуть.

Морено, дежурный психиатр, окинул меня одним из типичных для него мрачных, раздраженных взглядов и сказал:

— А вам, мистер Дулут, пора бы уже снова зависеть только от себя. Слишком долго мы тут с вами нянчились.

Для начала я объяснил ему, в чем он неправ. Сообщил, что уж точно плачу в неделю достаточную сумму, чтобы покрыть расходы даже на тройную дозу снотворного. Потом я умолял его, спорил с ним и, наконец, уже вне себя от злости, обрушил на него весь запас ругательств, который только может скопиться у алкоголика, на три недели лишнего доступа к спиртному. Но Морено лишь пожал плечами и небрежно бросил в ответ:

— Ох уж эти пьянчуги! И зачем мы вообще с ними связываемся? От них сплошные неприятности.

Я снова принялся сквернословить, а потом подумал: «Какой в этом смысл?» Я же не решился бы признаться ему в том, почему мне на самом деле был так необходим дурман. Не мог рассказать, что мне просто страшно. Беспричинно и до ужаса страшно, как ребенку, которого собираются оставить одного в темной комнате.

Но, надо сказать, я почти два года до этого пил по восемь часов в день. Так подействовал на меня пожар в театре, унесший жизнь Магдален. Но ежедневная кварта алкоголя плохо сочетается с работой. В какие-то последние моменты просветления я начал по-

нимать, что моих друзей уже утомила необходимость постоянно жалеть меня, а от заслуженной репутации самого молодого и талантливого театрального режиссера Нью-Йорка остались одни руины, и если продолжу в том же духе, мне скоро самому доведется опустить занавес после финальной сцены трагифарса собственной жизни.

Я, впрочем, не имел ничего против того, чтобы упиться до смерти. Более того, уже приготовился бодро и весело отправиться в ад. Но случилось нечто вроде чуда. В день публикации «Убежища» Билла Сибрука* сразу тринадцать моих друзей подарили мне тринадцать одинаковых экземпляров этой книги. Намек оказался столь прозрачным, что даже я не смог его игнорировать. Бегло прочитав книгу, я подумал, что пребывание в психушке имеет своеобразные положительные стороны. И под влиянием минутного импульса сделал широкий жест: избавил Бродвей от надоевшего всем пьяницы и отдал себя в полную власть милейшего и очень известного доктора Ленца, чье заведение носило сдержанное наименование лечебницы.

На самом же деле это оказалось вовсе не лечебницей, а дорогим сумасшедшим домом для тех, кто, подобно мне, потерял контроль над собой.

Доктор Ленц предстал в моих глазах современным Психиатром с большой буквы. После краткого периода постепенного сокращения доз алкоголя мне пришлось провести три недели вообще на трезвую голову, превратив в ад свое существование и устроив его для тех бедолаг, которых приставили ухаживать за мной. Гидротерапию, занятия гимнастикой и солнечные ванны я чередовал с безуспешными попытками врезать по морде кому-нибудь из мужчин-санитаров и ухаживать за хорошенькими медсестрами. То есть я представлял собой одну из наихудших разновидностей алкоголика на излечении, но тем не менее добился некоторого прогресса.

---

* С и б р у к Уильям (1884–1945) — журналист, путешественник, сторонник оккультизма, идеолог американского «потерянного поколения». Выпустил книгу после того, как добровольно согласился на лечение в психиатрической клинике. — *Здесь и далее примеч. пер.*

По крайней мере именно об этом мне заявила в тот день самая красивая из дневных дежурных медсестер мисс Браш. Как я догадывался, последствием ее слов и стало лишение меня снотворных порошков. Все, что мне необходимо сейчас, сказала она, так это воля к полному выздоровлению.

И еще долго после ухода доктора Морено я лежал в постели, дрожа от чувства тревоги и размышляя, сколько времени понадобится, пока у меня появится хоть какая-то сила воли.

Не знаю, у всех ли бывших пьяниц симптомы одинаковы, но лично я без стимуляторов или же, наоборот, успокоительных медикаментов ощущал настоящий страх. Нет, мне не мерещились розовые крысы или пурпурные слоны. Это был самый примитивный страх человека, брошенного наедине с темнотой, жгучее желание, чтобы кто-нибудь взял меня за руку и держал, приговаривая: «Все хорошо, Питер. Я здесь, с тобой. Все хорошо».

Конечно, я мог бы убедить себя, что нет ни малейших реальных причин бояться чего-либо. Я хорошо знал всех психов, которые меня окружали. Все они были совершенно безвредны и, вероятно, менее опасны, чем я сам. Моя комната, палата или камера — называйте, как будет угодно, — представляла собой весьма комфортабельное помещение, а дверь оставили открытой. Миссис Фогарти, ночная дежурная медсестра, в чертах лица которой проступало что-то лошадиное, находилась в своем алькове в конце коридора. Стоило только связаться с ней по внутреннему телефону, и она примчалась бы на мой зов, как легендарная Флоренс Найтингейл.

Но я не мог заставить себя снять трубку и позвонить. Стыдно было рассказывать ей, как пугает меня смутная тень от крана над раковиной умывальника, падавшая на белую стену, что моей силы воли хватало лишь на то, чтобы не позволять себе смотреть в тот угол палаты. И, уж конечно, я не стал бы делиться с ней ощущением, как ужасающее воспоминание о Магдален, сгоревшей заживо буквально у меня на глазах, постоянно всплывает в моем сознании повторяющимся и нескончаемым кошмаром. И я ворочался на узкой кровати, покрытой стерильно чистым постельным бельем, отворачиваясь лицом к успокаивающей темноте внутренней стены. Я бы все отдал за сигарету, но нам не разрешали курить в постели, да и спичек на всякий случай тоже не доверяли. Было очень тихо.

Иногда по ночам старик Лариби в соседней палате начинал во сне по памяти бормотать прошлогодние котировки акций на бирже. Но сейчас и он молчал.

Спокойно, одиноко, ни звука...

Я лежал, напрягая слух в тишине, когда до меня донесся голос. Он раздавался откуда-то издалека, но очень четко.

— Тебе надо уезжать отсюда, Питер Дулут. Уезжать немедленно.

Я лежал совершенно неподвижно, парализованный паникой, оказавшейся гораздо хуже моих привычных страхов. Складывалось впечатление, что голос долетал через окно. Но в тот момент я даже думать не мог ни о чем подобном. С тошнотворной ясностью я вдруг понял главное, и оно заключалось в том, что голос, который я слышал так отчетливо, принадлежал мне самому. Вслушавшись, я уловил его снова. Мой собственный голос, шептавший:

— Тебе надо уезжать отсюда, Питер Дулут. Уезжать немедленно.

Я был готов признать, что сошел с ума. Разговаривал сам с собой, но при этом не чувствовал, чтобы губы шевелились. У меня вообще не возникло ощущения, что я разговариваю. Резким и отчаянным движением я поднял трясущуюся руку ко рту и плотно прижал к губам. По крайней мере так я мог себя остановить. Заставить утихнуть этот негромкий, но такой жуткий звук.

Но затем голос — все тот же мой голос — вернулся.

— Тебе нужно уезжать, Питер Дулут.

А потом наступило молчание, зловещая и долгая тишина, прежде чем была произнесена следующая фраза — спокойно и как бы доверительно:

— Здесь произойдет убийство.

Едва ли я запомнил, что произошло сразу после этого. У меня осталось лишь смутное воспоминание о том, как я выскочил из постели и, словно одержимый, бросился бежать вдоль длинного, светлого коридора. Каким-то чудом я не натолкнулся на миссис Фогарти, ночную дежурную. Но с ней мы разминулись.

Наконец я достиг двери из небьющегося стекла, которая вела из мужского отделения в соседнее. Распахнув ее, я побежал дальше босиком и в ночной пижаме только с одной мыслью — убраться

подальше от своей комнаты, избавиться от эхом повторявшегося в ушах голоса.

Я оказался в той части здания, где никогда не бывал прежде, когда услышал за спиной шаги. Оглянувшись через плечо, я увидел Уоррена, нашего ночного санитаря, несущегося вслед за мной. При виде этого человека у меня сразу прояснилось в голове, его появление придало мне ловкости и хитрости отчаявшегося. Прежде чем он настиг меня, я повернулся и кинулся вверх по лестнице.

Достигнув верхней площадки, я лишь мгновение стоял в нерешительности, а потом открыл первую попавшуюся дверь и захлопнул ее за собой. Не имея понятия, куда меня занесло, я все же испытывал безумное чувство триумфа и, склонившись, принялся искать в замке ключ. Я мог запереть дверь и не дать Уоррену проникнуть ко мне. Никто, никто больше не сможет заставить меня вернуться в свою палату.

Пока мои пальцы бесцельно шарили вокруг замочной скважины, дверь распахнулась, и я почувствовал себя сжатым подобием стального обруча. Было темно, и я не мог разглядеть Уоррена, но тем не менее боролся, царапался и выкрикивал в его адрес самые отборные ругательства. С таким же успехом я мог бы пытаться остановить бульдозер. Уоррен — невысокий и щуплый на вид — обладал чудовищной силой. Он просто сунул мою голову себе под мышку, а свободной рукой отбивался от моих неуклюжих ударов.

Мы все еще держали друг друга в подобии любовных объятий, когда в комнате внезапно зажегся свет и донесся совершенно хладнокровный женский голос:

— Все в порядке, Уоррен. Нет нужды быть с ним особенно грубым.

— Но он как с цепи сорвался, мисс Браш. — Рука Уоррена крепче стиснула мою шею, больно прижав уши.

— С ним ничего не случится. Дайте мне во всем разобраться.

Я почувствовал, как меня неохотно и очень медленно отпустили. Щурясь от яркого света, я оглядел комнату. Она оказалась спальней. Лампа под абажуром горела на прикроватном столике,

а Изабелла Браш, наша дневная старшая медсестра, в шелковой пижаме спокойно приближалась ко мне.

Почти все мои страхи улетучились, стоило увидеть ее. Так бывало всегда. В легкой пижаме, со светлыми локонами, обрамлявшими лицо, она выглядела, как чрезвычайно здоровый ангел. Я бы уподобил ее капитану небесной женской команды по хоккею на траве.

— Стало быть, вы решили посетить меня, мистер Дулут, — сказала она, просяив улыбкой. — Но вам, знаете ли, не следовало этого делать. Запрещено внутренним распорядком.

Я знал, что она пытается утихомирить и задобрить меня, считая ненормальным, но мне было плевать. Я хотел, чтобы меня задабривали. Мне остро требовалось нечто вроде материнской ласки.

Я понурил голову произнес:

— Мне надо было вырваться куда-то, мисс Браш. Я не мог оставаться в своей комнате, слушая, как мой собственный голос говорит об убийстве.

Мисс Браш пристально посмотрела на меня глазами насыщенно голубого цвета.

— Почему бы вам не рассказать мне, что случилось?

Уоррен продолжал торчать у двери, все еще настороже. Но мисс Браш отпустила его уверенным кивком головы и села за туалетный столик. И прежде чем сообразить, что делаю, я уже опустился на пол рядом, положив голову ей на колени, словно был пятилетним малышом, а не взрослым мужчиной, которому уже перевалило за тридцать. Я промямлил ей свою историю, а она сопровождала ее утешительными и невозмутимыми комментариями, поглаживая мне волосы пальцами, которыми наверняка способна была уложить меня одним приемом джиу-джитсу, вздумай я совершить что-то не то.

Постепенно я ощутил, как поддаюсь восхитительному чувству тепла и комфорта. Я и не подозревал о присутствии в комнате доктора Морено, пока не услышал его резкий голос:

— Ну, знаете, мисс Браш!

Пальцы замерли в моих волосах. Я поднял взгляд и увидел Морено в халате поверх пижамы. Он уже явно какое-то время находился на сцене. Впрочем, в нем всегда было что-то от мо-

лодого и красивого доктора из пьесы, который в третьем акте отказывается от своей любви к главной героине во имя служения Человечеству. Но сейчас он скорее напоминал типичного театрального злодея. В его черных испанских глазах сверкали эмоции, суть которых я в своем нынешнем растерянном состоянии не мог понять.

— В этом нет никакой необходимости, мисс Браш. Подобный подход в корне неверен. А с психиатрической точки зрения весьма плох.

Мисс Браш ответила ему величавой улыбкой:

— Но мистер Дулут был сильно напуган.

— Напуган! — Морено пересек комнату и рывком заставил меня подняться на ноги. — Мистер Дулут мог бы проявить хотя бы немного здравого смысла. С ним все в полном порядке. Видит бог, у нас достаточно хлопот с настоящими больными, чтобы отвлекаться на подобные спектакли.

Я понимал, какая мысль первой пришла ему в голову. Он решил, что я разыграл испуг в надежде все-таки получить дозу снотворного. Знал я и то, что он вообще не одобряет согласия доктора Ленца принимать на лечение алкоголиков, считая, что на нас напрасну растрачивают усилия опытные психиатры, а мы только создаем излишние проблемы. Мне неожиданно стало стыдно. По всей вероятности, я не дал ему выспаться, в чем он остро нуждался.

— Идемте, мистер Дулут, — произнес он с прежней резкостью. — Уоррен препроводит вас в палату. Даже не представляю, как вам удалось так далеко убежать.

Как только он упомянул о возвращении, мною снова овладела паника. Я пытался сопротивляться, в результате чего снова оказался в железных лапах Уоррена. Когда тонкие пальцы санитаря клещами впились мне в кисти рук, мисс Браш отвела Морено чуть в сторону и сказала что-то, чего я не смог расслышать. Выражение его глаз мгновенно изменилось. Он подошел ко мне и уже совершенно ровным тоном сообщил:

— Мне нужно отвести вас к доктору Ленцу сейчас же, мистер Дулут.

Я с сомнением покосился на мисс Браш, но она сказала с мягкой настойчивостью: